

18+

Анна Яргонская

Мажда

Анна Яргонская

Жажда

«Издательские решения»

Яргонская А.

Жажда / А. Яргонская — «Издательские решения»,

Эпическое фэнтези о становлении короля Люциана и его верного друга Эфириуса в королевстве Олрин. В центре повествования — не только политическая борьба и магические битвы, но и глубокая дружба двух героев: мягкая мудрость Люциана, стремящегося к справедливости, и железная решимость Эфириуса, готового стать щитом для друга.

Содержание

Жажда	6
Часть 1	7
Казнь	10
Часть 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Жажда

Анна Яргонская

Иллюстратор Дарья Игоревна Яргонская

© Анна Яргонская, 2026

© Дарья Игоревна Яргонская, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-0661-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жажда

Часть 1

...Нет! Нет! Не смей к нему прикасаться! Не трогай его! Эфириус, почему ты не вмешиваешься!? Прошу тебя, спаси его! Спаси.

Персиваль занёс священное перо над шеей Люциана, будущего короля Олрина, готовясь оборвать всю жизнь и продолжение династии Дренны прямо сейчас. Люциан, лежавший на алтаре, не мог и пальцем пошевелить. Священная нить связывала его по рукам и ногам, к тому же затыкала рот, оставив его наблюдать за своей скорой смертью.

— Не трогай его! Не надо, прошу тебя, пожалуйста! Не трогай Люциана!.. Ты хоть понимаешь, Персиваль, что Эфириус с тобой сделает, если ты его тронешь! — кричал я, в надежде добиться здравого смысла у Персиваля.

Эфириус стоял, сжав кулаки, едва сдерживая свой гнев, смотря на своего лучшего друга, связанного и распятого на алтаре Великой Церкви, с застывшим ужасом на лице. Несмотря на принадлежность к расе Дренны, сейчас Люциан, не мог и не был способен на то, чтобы использовать поглощение эмоций на окружающих его людей. Взгляд Люциана на секунду метнулся к Эфириусу, прежде чем вновь сконцентрироваться на священном пере в руке своего отца.

— Ваше Величество! Прошу вас, послушайте! Остановитесь, не совершайте глупостей! Это же ваш сын! — кричал епископ, держа в руке маленькую копию Библии. — Вы совершаете грех, Ваше Величество! Он ведь ваш сын и будущий наследник расы!

Персиваль как будто и не слышал слов епископа, крепче сжав челюсть и свободной рукой сильнее стянул священные нити на теле сына, вызвав тихий, болезненный стон и заставив того поморщиться.

Когда перо со стремительной скоростью начало опускаться на шею Люциана, Эфириус не выдержал. Взмахнув рукой перед собой, громко произнес:

— Теневая стрела! «Шоковый удар!» — внезапно и громко произнёс Эфириус, наблюдая, как из руки вылетает сгусток тёмного пламени, направленный точно в руку Персиваля.

Полный, неприятный на вид мужчина средних лет с сединой в висках, громко закричал, когда тело прошибла теневая стрела, словно удар тока. Перо и нити моментально исчезли, стоило Персивалю разжать обе руки, и рухнуть на землю в конвульсиях. Освободившийся от сковывающих нитей, Люциан буквально сполз с алтаря и с тихим стуком рухнул на колени, накрыв шею дрожащей рукой. Собственные эмоции зашкаливали, не позволяя сконцентрироваться на окружении и собственном дыхании. Звук собственного сердцебиения был настолько громким в его ушах, что заполнял собой все пространство вокруг, настолько, что Люциан не сразу понял, что Эфириус трясёт его за плечи и зовёт по имени.

— Люци! Эй, Люци, это я! Слышишь!? Люци! — звал его Эфириус, в очередной раз встряхивая за плечи.

Наконец Люциан поднял голову и посмотрел широко раскрытыми глазами на своего друга, сидевшего перед ним на коленях, встревоженный.

— ...Риус? — почти шёпотом спросил Люциан, на что получил утвердительный кивок.

— Живой. — пробормотал себе под нос Эфириус, выдыхая и опуская плечи друга. — Идти можешь?

Оглядев себя, Люциан кивнул и медленно начал подниматься на ноги, чуть пошатываясь. Выпрямившись, Люциан почувствовал, как его придерживают под локоть, после чего ведут к скамейке у окна.

Удостоверившись в относительной безопасности друга, Эфириус приказал епископу ни на шаг не отходить от наследного принца, а сам с видом бога грома, направился в сторону продолжающего корчиться в приступе агонии Персиваля, сжимая челюсть до скрежета зубов.

Подойдя к мужчине, Эфириус приседает перед ним, сложив руки на коленях. Смотреть как он корчится от боли приносило удовольствие, но сейчас была другая ситуация, поэтому Эфириус разжал хватку техники, позволяя тому отползти к стене.

— Тут я тебя и расстреляю. — произнёс Эфириус, поднявшись на ноги.

— Что!? Да как ты смеешь, грязное отродье! Я — Король! — кричал Персиваль, кажется забывая о произошедшем.

— Правда? Как ты можешь называться королём после того, как чуть не убил собственного сына в дар Богам!? — несмотря на повышенный тон, голос Эфириуса оставался ледяным и спокойным, как у мертвеца. — Ты хотел отплатить свои грехи его кровью? Лишь, потому что она не запятнана? Чиста как первый снег?

Раздался хлопок. Эфириус ударил короля наотмашь по щеке, заставляя того упасть на бок, и сплюнуть сгусток крови вместе с зубом.

— Какой ты после этого король-то? Позорище. — Эфириус сделал паузу, а после чуть дернув плечом, позвал. — Люциан!

Вздрогнув и оторвавшись от окна, Люциан перевел взгляд на друга, стараясь не смотреть на отца у его ног.

— Да? — тихо, почти неуверенно произнёс юноша, убирая руку от шеи.

— Подойди.

Сглотнув ком страха, Люциан поднялся на ноги, и направился к Эфириусу, остановившись у его правого плеча. Взгляд невольно пал на отца, который пытался прийти в себя после такого удара. Люциан знал, насколько тяжёлая рука у Эфириуса, а потому был удивлён, что отец все ещё сознания.

— Прости, Люци, но я не могу простить ему случившееся и поэтому, прошу тебя, как наследного принца Олрина, выбрать ему наказание, которое я приведу в приговор в этот вторник на главной площади. — холодно произнёс Эфириус, посмотрев на него.

— Наказание...? — переспросил Люциан и с замешательством поднял взгляд на друга. — Какое наказание! Риус, он мой отец и король Олрина!

Эфириус вздохнул. Он понимал, что свержение короля непосильный труд, но оставлять его безнаказанным он не собирался.

— Да, Люци. «Наказание за нападение и принесение тебя в жертву с нанесением лёгких и средних телесных повреждений», — говорит Эфириус, переведя взгляд на его отца. — Не забывай, что именно твой отец, две минуты назад попытался тебя убить и убил бы, если бы я не вмешался вовремя.

Эфириус был прав. Если бы не он, то Люциана уже бы не было.

Сделав глубокий вдох и медленный выдох, Люциан перевёл взгляд на отца.

— Твоё время закончилось, отец. — произнес Люциан, поджав губы. Его била мелкая дрожь.

— Как ты смеешь говорить со своим отцом таким тоном!? Я по-прежнему король! — заругался отец, сплюнув кровь на пол, задевая алтарь. — Попробуешь послушаться меня, то никакого престола тебе не видать! Ты понял меня!?

Люциан вздрогнул и на секунду перевёл взгляд на Эфириуса, что протирал свои руки платком так, словно брезгал грязи вокруг. Тот выглядел так спокойно, что Люциану показалось, что ему глубоко плевать на происходящее, и так было бы честнее, но Люциан знал его с самого детства, чтобы это было правдой. Он знал лишь то, что если Эфириус спокоен, значит быть беде.

— Пап... — начал Люциан, но тут же оступился, растерянно отведя взгляд.

— Говори, Люци. Не беспокойся, его угрозы — пустой звук, уж поверь мне. — спокойно произнёс Эфириус, наконец подняв взгляд на своего друга.

Люциан сглотнул, сжимая кулаки, стараясь скрыть дрожь в руках. Эфириус был прав, на данный момент слова отца на самом деле являются пустым звуком для них обоих. Эфириус не позволит Персивалю навредить.

Послышался шум топота, обозначающий приближение зевак, привлечённых непонятным грохотом и звуком голосов королевской семьи, епископа и фаворита¹ наследного принца. Двери Великой Церкви открылись так резко, что едва не слетели с петель и толпа зевак ринулась к алтарю, в желании увидеть случившееся с королём.

Люциан так и стоял, как вкопанный, не в силах поднять взгляд от пола, сжимая кулаки в попытке спрятать дрожь. Он так и не мог осознать до конца, что происходит и лишь шум толпы, и приглушённые шёпоты зевак заставляют наследного принца сконцентрироваться на происходящем. Выдохнув, Люциан поднимает взгляд на Эфириуса, что так и смотрит на него в ожидании ответа. *Персиваль его не тронет.*

— Персиваль Баль Шер, нынешний король Олрина... — начинает Люциан, вновь обрываясь на середине, переводя взгляд на Эфириуса, а после на отца. — За нападение на наследного принца в стенах Великой Церкви, вы приговариваетесь к публичной казни через «Тройную казнь»².

Собравшаяся в Церкви толпа зевак одновременно ахнула, поднеся руки к лицу. Даже Персиваль невольно прижался спиной к стене, а Эфириус лишь слабо дернул уголок губ в подобии насмешки.

— Не слишком ли жестоко, Люци? — с умешкой спрашивает Эфириус, чуть наклоняясь к наследному принцу.

Эфириус видит, что Люциана трясёт толи от страха, толи от адреналина.

— Ты знаешь закон, Эфириус. Отец сам его написал, так почему я должен проявить милосердие за нападение на наследного принца, даже если нападавший, его отец? — спрашивает Люциан, повернув голову к Эфириусу, который лишь хмыкает и жмёт плечами, разводя руками.

— Как прикажете, Ваше Королевское Высочество. — ответил Эфириус, поклонившись принцу. — Приговор будет исполнен в этот вторник на главной площади.

Люциан лишь кивнул и отвернулся, подтянув плечи к ушам. Эфириус, приказав пришедшей страже отвести бывшего короля в темницу, подошёл к наследному принцу, накинув на его дрожащие плечи свою накидку, защищая друга от ветра, проникавшего в церковь через открытые двери.

Назревал переворот. И Люциан был во главе переворота.

¹ Фаворит — не должность, а статус особо доверенного и влиятельного лица; часто используется в европейской придворной культуре.

² Тройная казнь — пыточная казнь, так же известная как «Повешение, потрошение и четвертование». Жертве долго не давали умереть. К этому же типу казни был приговорён Гай Фокс, но избежал казни совершив самоубийство.

Казнь

Часть 2

*Говорят, что «Тенерожденные» способны
поглощать чужие сны, а так же тёмную
энергию...*

Вторник настал незаметно, настолько, что когда слуга принёс наследному принцу новость о подготовке к казни, Люциан ощутил страх и неуверенность, а после и вовсе засомневался в правильности решений, пока его не успокоил Эфириус, *узнавший* о его переживаниях.

— Что ты, Люци? — шепотом спрашивал Эфириус, присаживаясь у ног наследного принца, заглядывая ему в глаза.

— Что если мы поступаем неправильно, Риус? Что тогда нам делать? Ты же понимаешь, что сейчас происходит... Это переворот, Риус.. — встревоженно бормочет Люциан, поджимая губы и стискивая ткань на светлых брюках.

— Ты опять беспокоишься из-за мелочи, Люци. — с улыбкой произносит Эфириус, накрыв дрожащие ладони своими, тёплыми и мягкими. — Твой отец хотел тебя убить, Люци, а это уже веская причина для наказания. К тому же, он применил попытку принести тебя в жертву Богам ради того, чтобы укрепить свой трон и власть над людьми. То, что его сейчас готовят к казни, является самым, что ни есть правильным решением, поверь мне, было бы куда хуже, оставь ты его в живых и при троне.

Слова Эфириуса, звучащие так спокойно, словно тот обсуждает ближайшие выходные, действительно успокаивает, нервно стучащее сердце наследного принца. Сглотнув и подняв взгляд на фаворита, Люциан не смог удержать слабой улыбки. Странно, что именно Эфириус вызывает у него улыбку, даже в таких ситуациях. Слабо кивнув, Люциан вновь отводит взгляд, словно сомневаясь и высвободив ладонь, подносит её к своей шее, ровно туда, где ещё три дня назад была священная нить, оставившая после себя небольшие порезы вокруг всей шеи.

Как бы не хотелось продлить этот момент, необходимо было вершить правосудие и наказывать виновного в преступлении. Поднявшись на ноги, Эфириус лично сопровождал наследного принца до главной площади Олрина, где и будет проходить казнь.

Виновного вывели на площадь ровно в обед, провезли по площади, привязанным к деревянным салазкам, похожим на плетённую изгородь, на лошадях к месту казни. Пришедшие на казнь горожане, чувствовали одновременно и страх, и желание уйти домой, но напуганные оставались стоять и смотреть. Люциан же, находился в лоджии, откуда прекрасно наблюдал за казнью, под охраной королевской гвардии. Эфириус же, расположился прямо на главной площади, сидя на плетённом стуле, закинув ногу на ногу, держа в руках пергамент с речью для горожан. Сегодня он и судья, и карающий ангел. В своей стихии.

— Господи... Что же это творится..? — бормочет напуганная бабушка из толпы, прикрывая лицо платком, мотая головой. — Господи, прости их души грешные..

Шум на площади лишь возрастал, как и напряжение от ожидания неминуемой гибели.

Эфириус с упоением наблюдал не только за виновным, но и за эмоциями людей. Тенерожденные очень любят наслаждаться чужими страданиями и особенно чувством страха, болью. Многие их используют, как инструменты. Эфириус же, появился в королевской семье с такой же целью, отгонять плохие эмоции и сны у наследного принца. Его выкупил Персиваль у семьи должников, как раба, что будет на пожизненном отработывать долги родителей и приставил его к своему, на тот момент пятилетнему сыну — Люциану. С того дня, они и были неразлучны. Правда, Люциан слишком быстро понял, для чего его отец привёл к нему мальчишку на несколько лет старше и быстро присек это. Ему не нравилась сама идея использовать живого человека в качестве инструмента. Эфириус был не просто его приближенным, но и единственным, кому он мог доверять.

Спустя два круга, виновного подтащили к виселице. Наступала самая интересная часть. *Пытки.*

Эфириусу нравились пытки, в то время как Люциан терпеть не мог жестокость и само понимание причинения боли кому-то, даже обидчикам, заставляло его сомневаться из-за чего все называли его «мягким» и слабым.

Вздыхнув, Эфириус поднимается с кресла и поднимается к виселице, останавливаясь в паре шагов от Персиваля. Он разворачивает пергамент и на секунду оглядывается через плечо к наследному принцу, получить утвердительный кивок — разрешение начать казнь. Получив его, Эфириус поднимает руку вверх, заставляя толпу вокруг замолчать, испуганно прижимать руки к груди и мысленно молиться богам, в надежде прекратить эти издевательства над королём, так и отказываясь принимать правду.

— Дамы и господа! Минуту тишины, прошу вас! — начинает Эфириус, оглядывая каждого и опуская руку. — К сегодняшнему наказанию через «Тройную казнь» приговаривается бывший король Олрина и отец наследного принца Люциана Баль Шера — Персиваль Баль Шер. Король обвиняется в нападении на собственного сына, попытке принесению родное дитя в дар богам, чтобы укрепить своё место на троне и утвердить власть перед родом людским! Виновный использовал запретную технику «Священной нити», которая способна парализовать противника за долю секунды и отнимать жизненные силы. Как приближенный к наследному принцу, я — Эфириус Де-Абрам, привожу приговор в исполнение! На виселицу виновного.

Приказ Эфириуса был исполнен немедленно. Стоило тому уйти с помоста и сесть обратно в кресло, как виновного освободив от деревянных салазок поднесли к верёвке, которая тут же туго обмотала его горло.

Частичное повешение.

Когда Персиваля затянули петлю на шее, кто-то из толпы зевая свистнул ему, а затем и вовсе плюнул на землю, выражая недовольство бывшим королём.

Люциан наблюдал за происходящим с замиранием сердца. Ему по-прежнему казалось, что они поступают неправильно, но стоит ему вспомнить тот вечер, когда он был почти распят на алтаре в Великой Церкви, убеждается в обратном. Эфириус же, несмотря на происходящее вокруг позволял себе пару раз оглянуться на Его Величество Наследного принца, подарив слабую успокаивающую улыбку.

Рядом с ним, Люциану не нужно беспокоиться о пустяках.

— Дамы и господа! Прошу секундочку внимания. Сейчас, когда виновный готовится пройти свой первый этап казни, спешу вам напомнить, что так будет с каждым, кто решит пойти против Наследного Принца и уже принявшего пост Короля Олрина — Люциана Баль Шера. — говорит Эфириус, сложив руки на груди и слабо кивнул палачу.

Персиваля свесили, оставляя его болтаться в воздухе, ощущая как верёвка сдавливает горло и перекрывает доступ к кислороду, а вскоре и вовсе потерять сознание. Именно в этот момент, когда виновный теряет сознание, палач снимает его с петли и облив ведром холодной воды, приводит его в чувства. Мужчина, ощутив резкий приход кислорода в легкие, начинает кашлять, хватая ртом воздух.

— Прошу вас! Пощадите...! — хрипло начинает умолять Персиваль, в перерывах между кашлем и слезами.

Толпа тут же разразилась протестующими возгласами и словесными унижениями, отказываясь даже слушать его, закидывая виновного помидорами и другими овощами. Палач, позволивший виновному целую минут наслаждаться воздухом, вновь подхватил его за грудки и затянул петлю на шее. Так, что воздух перекрыло тут же. Подняв виновного на ноги, палач обратил внимание на Эфириуса, словно дожидаясь разрешения. Получив утвердительный кивок со стороны приближенного к Наследному принцу, палач вновь сбросил виновного с помоста, заставляя его дрыгаться в конвульсиях под торжествующие возгласы толпы, ощущая

как с уплывающим сознанием, заканчивается не только жизнь, но и власть. Персиваль долго дрыгался на верёвке, как рыба выброшенная на берег, прежде чем вновь безвольно повиснуть от потери сознания.

Пришёл в себя Персиваль уже привязанный в полулежащем состоянии. Перед ним также стоял палач, но на этот раз в его правой руке был зажат разделочный нож, а чуть подальше, в стороне был разведён костёр. В этот момент Персиваль испытал такой животный страх, что принялся слёзно умолять Эфириуса его помиловать и просто отрубить ему голову.

— Вот как мы запели, Король? То есть, как собственного сына в жертву богам приносить, это нормально? Само собой разумеющееся? Да!? — голос Эфириуса внезапно сорвался на крик, заставляя Люциана вздрогнуть и подняться с кресла, подойдя к ограждению лоджии. — Что ж ты не просил помиловать тебя у Богов, когда грешил, м? Ты не думал, каково твоему сыну, когда СОБСТВЕННЫЙ отец попытался его убить, и убил бы, если б не моё вмешательство! О чем ты, грешный, думал?!

Эфириус выглядел настолько злым, что заставил замолчать не только Персиваля, но и всю толпу на площади. Почуввав неладное, Люциан поспешил спуститься на площадь.

— Ради чего, скажи мне, ты хотел принести сына в жертву богам?! — гневно спросил Эфириус, сжимая ладонь в кулак так, что внезапно начал покрываться чем-то тёмным. «Проклятием».

— Я должен был сделать это! Как ты не понимаешь, Эфириус! Я должен отдать сына им, чтобы упокоить наши грешные души! — завопил Персиваль, дрожа всем телом.

— Ах вот как. Так ты решил жизнью собственного сына вымолвить прощение за грехи, которые сотворил сам, прикрываясь чужими грешными душами? — с усмешкой произнёс Эфириус, он уже приготовился занести над виновным сжатую в кулак руку, покрытую чёрным вязким пламенем, когда ощутил мягкое прикосновение к своему плечу, заставляя замереть.

Это прикосновение Эфириус узнает из миллионов. Люциан. Его Люци.

— Прекрати пожалуйста. — тихо просит Люциан, смотря прямо в глаза. И Эфириус в тысячный раз убеждается, что у Люциана самые яркие и красивые глаза. Морская волна.³

³ Цвет глаз «Морская волна» — это сочетание голубого и зелёного оттенков с лёгким оттенком морской волны. Такой цвет создаёт ощущение глубины и таинственности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.